

Именно такие “завесы”, полностью скрывающие свет, составляют внутренний смысл понятия *орла*. Следовательно, их нельзя использовать для служения Всевышнему, ибо они заведомо непригодны для этого. С ними можно производить лишь одно действие — удаление.

Народы же, чьи души приходят от сих ангелов, утверждают: “...оставил Г-сподь землю эту”, а к материальному телу небесных сфер относятся как к самостоятельной сущности⁸⁹. Именно это подразумевается в словах: “...различать (букв. “разделять”) нечистое и чистое” (*Ваикра*, 11:47). Они описывают преграду, о коей только что шла речь, отличную от той, что призвана отделить Святилище от Святая святых. Ведь преграда второго вида, даже пропуская сквозь себя свет, оставляет его на уровне святости. И потому проходящий сквозь нее свет приходит к творениям, неся им свет Всевышнего. Однако только что описанная преграда скрывает этот свет полностью. Поэтому те, кто получает силы через нее, ощущают себя отделенными от Всевышнего — иными словами, являются нечистыми. Это разъясняет слова пророка Ирмеягу (9:25) “Ибо все народы необрезаны”⁹⁰ в том смысле, в каком в конце третьей главы трактата *Недарим* (31б) говорится: “Отвратительна *орла*, ибо она — признак грешных”. Ведь внутренний смысл понятия *орла* — преграда, которая порождает у народов грубое ощущение своего “я”.

ГЛАВА 5

Основная тема этой главы — различие между такой “преградой” (которая, пусть и скрывая свет Всевышнего, оставляет возмож-

89 Дело в том, что нечистые души народов облачены, в отличие от душ ангелов, в материальные тела. А материальность, как известно, обостряет духовные проблемы.

90 Наш перевод отличается от перевода Д. Йосифона, поскольку тот не раскрывает описанного в тексте явления.

ность раскрыть его посредством нашего служения), и иной, которая полностью скрывает Б-жественный свет, не позволяя раскрыть его. Именно это различие определяет наши действия по отношению к преграде: мы либо прилагаем усилия, чтобы устранить сокрытие, которое она создает, либо удаляем ее.

Чтобы глубже осмыслить понятие “преграда”, р. Менахем Мендл анализирует молитву *ѓавдала* (“разделение”). Преграда, подобно *ѓавдале*, разделяет два уровня света, фильтруя приходящий к ней высочайший Б-жественный свет, излучая при этом свет более низкий, в котором Б-жественность оказывается сокрытой. В этой связи нам следует рассмотреть особенности молитвы *ѓавдала*.

Известно, что, читая *ѓавдалу*⁹¹, мы говорим о разделении между святым и будничным, однако не упоминаем разделения между чистым и нечистым. В Талмуде, в главе *Арвей Псахим* (*Псахим*, 104а), приводится мнение, что следует упоминать и это разделение, однако *ѓалаха*, как известно, не следует данному мнению.

Смысл молитвы *ѓавдала*, читаемой на исходе субботы, не сводится к простой констатации того факта, что суббота закончилась. Эта молитва выражает просьбу — а значит, и содействие с нашей стороны, — произвести необходимые изменения в высших мирах, благодаря которым будет восстановлено положение, имевшее место до наступления субботы.

Известно, что упомянутое разделение между субботой и буднями означает возвращение в высшие миры *парсы*, которая удалялась на время субботы. Именно об этом говорит субботняя

91 Букв. “разделение” — молитва, произносимая на исходе субботы. Содержит четыре благословения, в последнем из которых говорится: “Благословен Ты, Г-сподь, Б-г наш, разделяющий святое и будничное, свет и тьму, народ Израиля и другие народы, седьмой день и шесть дней действия”.

вставка в молитву *Биркат Ёа-мазон* (“Благословение после трапезы”): “Благосклонен будь... и укрепи нас”. Слово *ёахлицену* (עֲזָרָנוּ, “укрепи нас”) является однокоренным с глаголом *леёихалец* (עָזַרְתָּ, “освободиться”). Корень этот употребляется и в выражении “снятие ботинка” (לְהַנִּיחַ הַחֹלֶם, *халуц ёа-нааль*, см. *Дварим*, 25:10). Это действие — “снятие ботинка”, то есть удаление, производится ангелами *Мататом* и *Сандалем*, упомянутыми выше (гл. 4), как объясняется в книгах *При Эц Хаим* и *Мишнат хасидим*. См. также слова р. Моше Закуто в его комментарии к книге *Зоёар*, *Хукат*, к изречению по поводу стиха: “[А в Израиле так велось издревле при выкупе и при обмене для подтверждения всякого дела]: один снимал свой башмак и отдавал другому” (*Рут*, 4:7).

Из вышесказанного следует вывод: та преграда — *парса*, — которая существовала до наступления субботы, обладает способностью “разделять”, то есть создавать свет нового уровня. При этом видоизменение света, определяющее, в какой мере новый свет будет отличаться от исходного, может быть охарактеризовано как “разделение между субботой и буднями”, но не как “разделение между чистым и нечистым”.

По окончании субботы, когда *парса* эта возвращается на свое место, мы произносим молитву *ёавдала*, но притом не упоминаем разделения между чистым и нечистым, ибо оно относится не к народу Израиля, а только к народам мира, которые ощущают себя полностью самостоятельной сущностью, как говорилось выше (гл. 4).

Но теперь, когда мы осознали внутренний смысл молитвы *ёавдала*, становится неясной просьба, содержащаяся в ней. Изначально понятие “преграда” возникло в связи с устройством *Мишкана*, именно так оно описано в Торе. Внутренний смысл этого понятия — завеса между Притвором и Святая святых. Вспомним, что в *Мишкане* присутствовал Всевышний, а мы, разумеется, желаем Его присутствия в мире! Тогда, по аналогии с *Мишканом*, было бы уместно предположить, что разделение, которое мы про-

сим ниспослать в мир, должно быть в чем-то подобным вышеописанному разделению между двумя уровнями в рамках мира святости. Тогда наша просьба в молитве *šavdala* должна была бы звучать так: "...разделяющий святое и святое"!

В связи с этим р. Менахем-Мендл уточняет смысл понятия "будничное" в жизни еврея. Он определяет его как "будничное, имеющее уровень чистоты, присущий святому". Речь идет о том, что вещи, будничные по своей сути, способны помочь еврею в изучении Торы и в исполнении заповедей, значит, они служат святости.

Следует обратить внимание: в *šavdala* упоминается разделение между святым и будничным, но не то разделение, которое совершала завеса, находившаяся в *Мишкане* при входе в Святая святых и отделявшая Притвор от Святая святых. Дело здесь вот в чем. Действительно, жизненные силы, ниспосылаемые народу Израиля и прочим народам, носят общее название "будничное". Однако между ними есть коренное различие: у народов мира силы эти носят исключительно будничный характер и потому называются нечистыми⁹². К их образованию от источника применимо определение "разделить священное и будничное, нечистое и чистое" (*Ваикра*, 10:10). Но народ Израиля использует эти силы, носящие будничный характер, ради святых целей. В этом внутренний смысл понятия "будничное, имеющее уровень чистоты, присущий святому"⁹³.

92 Понятие "будничное", описанное здесь, означает предмет или действие, не несущее какой-либо святой цели и никоим образом не направленное на исполнение воли Всевышнего. Такое игнорирование Творца свойственно миру *ситра ахра* и называется "нечистым", то есть полностью отделенным от Творца и скрывающим Его свет.

93 В Вавилонском Талмуде (*Хагига*, 18б) упоминается рабби Йоханан бен Гудгеда, употреблявший будничную пищу, уровень чистоты которой был подобен святыням. Это означает следующее: наши мудрецы ввели дополнительные уровни ритуальной чистоты, которой должны были придерживаться *когены*, когда они ели особое приношение — *труму*, или "святыни", — части жертвы, предназначенные в пищу *когенам*. Другая их пища и домашняя утварь также могли иметь различные уровни

Это понятие можно сравнить с буднями праздника — *холь ѓа-моэд*⁹⁴.

Но само это обстоятельство требует разъяснения: ради чего Всевышний заставляет нас иметь дело с той частью мира, которая относится к “будничному”, а не ограничивает нашу деятельность исключительно святыми занятиями?

Дабы разъяснить сие, следует рассмотреть подробнее сущность субботы и будней. Сказано: “Шесть дней делай дела свои, а в день седьмой покойся...” (*Шмот*, 23:12). Стих этот представляется очень странным: судя по нему, Тора предписывает человеку: “Делай дела свои”! И хотя ясно, что смысловое ударение

чистоты. В принципе, обычная, будничная еда не обязана была находиться на уровне чистоты “святого”. Если же она была на таком уровне, то получала определение “будничное, имеющее уровень чистоты, присущий святому”. Здесь р. Шнеур-Залман использует это понятие в переносном смысле. Словом “будничное” он обозначает действие или предмет, не имеющий явной направленности на исполнение воли Всевышнего — например, еда или работа ради пропитания. Но как будничная пища с достаточно высоким уровнем чистоты не является препятствием для совершения *коѓеном* священных действий, так и будничные занятия — например, еда или работа — не обязаны быть отделенными от воли Всевышнего. Наоборот, они должны помогать ее исполнению. Это происходит, когда человек ест пищу (разумеется, кошерную) с намерением использовать силы, полученные с ее помощью, для изучения Торы или же потратить заработанные деньги ради исполнения заповедей — прежде всего заповеди *цдака*. Тогда “будничное” проникается святым намерением. Именно такой характер носят силы, приходящие к человеку свыше: они предназначены для того, чтобы дать ему возможность служить Всевышнему.

94 Букв. “будни праздника” — полупраздничные дни между первым и последним днями праздников *Песах* и *Суккот*. В эти дни не действует запрет на большинство видов работ, хотя некоторые ограничения все-таки остаются. Эти дни, не являясь “святыми”, то есть полностью отделенными от будничной деятельности, тем не менее явно выделяются на фоне будних дней — ведь они направлены на то, чтобы мы могли ощутить праздник.

падает на слова: “...в день седьмой покойся”, выражающие заповедь-предписание прекратить деятельность в седьмой день недели⁹⁵, фраза все же построена так, будто человек обязан работать в течение шести дней!

Известно, что, когда труд человека увенчивается успехом, это с легкостью может привести его к ощущению самодовольства, к выпячиванию своего “я”, что равноценно духовному падению! Кроме того, мы можем подумать, что за счет деятельности человека в мир приходит нечто противоречащее единству Всевышнего и скрывающее его.

Еще менее понятно следующее. Известно, что истинное положение дел в мире таково, что “все перед Ним словно не существует” (*Zo'ar*, 2, 170б) и “нет более [ничего], кроме Него”, как известно из трактовки понятия “единство Всевышнего”⁹⁶, провозглашаемого в *Шма Исраэль* (см. *Дварим*, 6:4), как было до некоторой степени объяснено выше, во второй главе.

Как же можно в таком случае предписывать человеку заниматься практической деятельностью? Ведь деятельность эта, казалось бы, создает у человека заведомо ложное представление о самом себе! Тот, кто занимается ею, ощущает себя независимым, некой самостоятельной сущностью, ибо он, в собственном представлении, “своими силами и мощью руки своей”⁹⁷ создает нечто новое! Кроме того, подобное указание непонятно

95 Имеется в виду, что в дополнение к запрету Торы совершать работу в субботний день дается также заповедь-предписание делать субботу днем покоя.

96 Единство Всевышнего означает, что истинная сущность любого творения — это создающий его свет Всевышнего, а поэтому само творение как бы не существует. Нужно подчеркнуть: не следует думать, что ничего в мире не существует, — такая точка зрения противоречит Торе. Сказанное означает, что существование любого предмета абсолютно незначительно по сравнению с его Источником и не может ничего добавить к существованию Творца. См. также *Танья*, 2, 3. См. также примеч. 47 на с. 83.

97 Ср. *Дварим*, 8:17.

по самой своей сути⁹⁸: как возможно, чтобы стоящий пред Царем Вселенной, о Котором сказано: “...вся земля полна славы Его!” (*Йешаязу*, 6:3) и “Нет места, свободного от Него” (*Тикуней Зоѓар*, 122б), — как может человек, стоящий пред Ним, вознести руку для практической деятельности? Ведь известно: даже тот, кто позволил себе лишь жестикулировать в присутствии царя, был казнен, ибо сказали о нем, что он лишен-де страха перед царем, как рассказывается в четвертой главе трактата *Псахим* (57), а также в трактате *Хагига* (5б)⁹⁹.

Отвечая на эти вопросы, лучше осознаешь важнейший принцип иудаизма, который может показаться парадоксальным: единство Всевышнего во всех его аспектах, будь то в микромире (то есть в рамках нашего видения) или в макромире (в масштабах всего мира), не должно быть очевидно изначально! Мир и человек устроены так, что единство Всевышнего должно раскрываться в

98 Помимо проблематичности того субъективного представления, что создается у работающего.

99 В Талмуде описываются два случая, когда человек жестикулировал в присутствии царя, и оба они закончились печально. В трактате *Псахим* рассказывается, что однажды царь и царица поспорили, какой домашний скот лучше. Царь предпочитал козлят, а царица — ягнят. В качестве судьи было решено пригласить первосвященника, в то время этот пост занимал Йоханан бен Нарбай (известно, что он приносил жертвы в перчатках, что запрещено Торой, а потому лишает жертвоприношение смысла). Услышав вопрос царя и царицы, первосвященник пренебрежительно махнул рукой в сторону козленка, как бы говоря: “Если он так хорош, почему же его не приносят в качестве ежедневной жертвы всеожожения?” Сказал царь: “Раз нет у него почтения перед царем (Раши объясняет: поскольку тот не только дал ответ, неудобный царю, но и сделал это пренебрежительным жестом), пусть отрубят ему правую руку!” Далее рассказывается, что Йоханан бен Нарбай уговорил палача за мзду отрубить ему левую руку вместо правой, чтобы он мог приносить жертвы правой рукой (хотя, согласно Торе, *коѓену* с телесным изъяном запрещено приносить жертвы). Однако, когда царь узнал об этом, он настоял, чтобы его приказание было исполнено в точности, поэтому приговоренному отрубили и правую руку. Другой подобный случай описан в трактате *Хагига* (см. примеч. 59 на с. 44).

них, и лишь тогда оно станет явным. Именно в этом заключается цель мироздания.

Эту мысль выражают слова: “Без народа нет царя” — для того чтобы царство Всевышнего стало явным, необходим народ, отделенный от Его величия и словно скрывающий Его. Именно благодаря народу Всевышний становится Царем!

Однако нам позволено заниматься практической деятельностью, и вот почему. В Торе нижеследующим образом разъясняется, почему запрещено работать в субботу: “Ибо в шесть дней создал Г-сподь небо и землю, море и все, что в них, и почил в день седьмой” (*Шмот*, 20:11). Это означает, что в высших мирах также существует понятие “шесть дней Творения”, в которые Всевышний создает¹⁰⁰ небо и землю, море и все, что в них, дабы эти творения казались самостоятельной сущностью, ведь “без народа нет царя”. И Он делает это так, что Его свет, несущий жизненные силы всему миру, подвергается сокрытию с помощью *парсы* и *Сандаля*, который, как говорилось выше, закрывает большую часть “ноги”. Это и называется “действием” и “работой” применительно ко Всевышнему. Ведь существует правило: не пристало царю произносить будничные слова¹⁰¹. Но именно таковыми являются для Него речения: “Да будет свет”, “Да будет небесный свод” и все прочие, указывающие на сжатие света, которое Он совершает. Ведь все эти сжатия и сокрытия Б-жественного света важны только для нас. Для Него же они не являются чем-то реальным, ведь “все пред Ним словно не существует”. Даже теперь, после всех сокрытий Его света, [“несуществование” мира видно Ему] так же ясно, как и до его

100 Именно “создает”, в настоящем времени. Ведь известно (см. *Танья*, 2, 1), что Всевышний каждую секунду поддерживает существование мира. То, что мир был однажды сотворен, не означает, что он может обходиться без постоянного воздействия со стороны Творца.

101 Известно, что Всевышний сотворил мир только с помощью речений. Однако это не умаляет того факта, что созидание мира не очень-то соответствует Его уровню, как физический труд не соответствует уровню царя, ведь даже не всякий разговор подобает царю!

сотворения. Вот почему такие Его действия называются “будничными”. Название подчеркивает, что следствие их — сотворение самостоятельной сущности.

Именно поэтому Всевышний приложил столько “усилий” и средств, чтобы мир казался самостоятельной сущностью, далекой от раскрытия истинного положения вещей: что “нет ничего, кроме Него”. Более того, он “пригласил” человека участвовать в этом “спектакле”. Поэтому наша будничная практическая деятельность, которая кажется столь неуместной и даже вызывающей пред лицом Царя, на самом деле является частью Его замысла.

Поэтому и человеку надлежит заниматься практической деятельностью в шесть будних дней, дабы в мире создалось положение, когда человек вкушает плоды труда своего и представляется самостоятельной сущностью, добывающей заработок усилиями своими. Истина же гласит: “Благословение Г-сподне — оно обогащает” (*Мишлей*, 10:22). Такое искажение реальности есть не что иное, как сокрытие, органически присущее понятию “будни”. В субботу же все меняется. Человек прекращает деятельность свою и приходит в такое состояние, словно он стоит перед царем в страхе и трепете, и тогда в мире по-новому ощущается Б-жественное присутствие. Однако же сказано нашими мудрецами: “У того, кто трудился в канун субботы, будет еда в субботу”¹⁰² (*Авода зара*, за). Ведь то положение, которое воцаряется в мире в субботу, и сам особый статус субботы возможны лишь благодаря предварительной деятельности. Более того, есть глубочайший смысл в том, чтобы

102 Поскольку в субботу запрещено большинство видов приготовления пищи. Однако это выражение используется в Талмуде иносказательно. Имеется в виду: у того, кто трудился, исполняя заповеди в “канун субботы” — то есть в этом мире, будет, что “есть в субботу” — его ждет награда в Мире грядущем. Здесь же это изречение имеет смысл, близкий к буквальному, благодаря чему мы осознаем важнейший аспект субботы: свет, сокрытый в будничных действиях, совершенных в течение недели, раскрывается в субботу.

превратить “самостоятельную”, кажущуюся отделенной от Всевышнего сущность (возникшую за шесть будних дней) в раскрытие света Всевышнего, когда в ней самой будет ощущаться *битуль* перед Ним. Ведь именно поэтому “возжелал Всевышний, чтобы было у Него жилище среди нижних” (*Мидраш Танхума, Насо*, 16). Сия идея выражена и в другом изречении наших мудрецов — о том, как [Моше] сказал ангелам: “Разве есть у вас *йецер га-ра*?”¹⁰³ (*Шабат*, 89а). Это будет разъяснено ниже, в первой главе второй части данного раздела.

Все сказанное о значении понятия “будни” для раскрытия единства Всевышнего становится особенно наглядным, когда мы понимаем взаимосвязь между буднями и субботой. Она выражается в том, что будни вносят содержание в субботу, а суббота придает силу будням.

И благодаря *битулю*, свойственному будним дням, приходит свет в субботу. Суббота же распространяется на все будние дни, когда ее отсвет и ощущение приходят к человеку во время молитвы. Об этом говорится в *При Эц Хаим*: три первые дня недели озарены отсветом прошедшей субботы, потому они называются “послесубботными”, три же последних дня озаряет отсвет наступающей субботы, потому они называются “предсубботными”. В этом и заключается внутренний смысл понятия “будни на уровне чистоты святости”¹⁰⁴. Вот почему мы говорим во вре-

103 В данном месте Талмуда рассказывается: когда Моше, учитель наш, взшел на гору Синай, чтобы получить Тору, стали спрашивать Всевышнего ангелы: “Что делает здесь этот, рожденный женщиной?” Ответил им Всевышний: “Он пришел получить Тору”. Воскликнули ангелы: “Столь ценную и возвышенную вещь Ты хочешь отдать существу из плоти и крови?!” Тогда Всевышний повелел Моше дать ответ ангелам. Вместо ответа тот задал им несколько риторических вопросов: в Торе сказано “почитай отца и мать” — есть ли у вас отец и мать? В Торе сказано: “не убивай, не прелюбодействуй” — есть ли у вас *йецер га-ра*? После этого ангелы признали правоту Моше.

104 Будние дни существуют ради субботы, оттого они сами проникаются ее святостью.